

Фёдор Соймонов, баловень фортуны

Вряд ли найдётся в многовековой сибирской истории участь более поучительная, нежели судьба Фёдора Ивановича Соймонова. Мелкопоместный дворянин, петровский гардемарин, талантливый картограф, мореход и администратор, каторжанин, ставший сибирским губернатором, сенатор – казалось, этого с избытком хватит на десяток жизней. Однако нашему герою суждено было испытать всё это, а также множество иных, подчас самых невероятных приключений. О них наш сегодняшний рассказ.

Гардемарин

Фёдор Иванович происходил из древнего рода Соймоновых, первые упоминания о котором относятся к XV веку. Под одной версии, Соймон – имя тюркского происхождения, означающее в переводе «ловкий, увертливый, бойкий». Другие исследователи полагают, что это не что иное, как народная форма крестильного имени Соломон. Иные и вовсе указывают на сойму – палубное судно с мачтой. Как бы то ни было, Соймоновы служили престолу на протяжении многих веков, занимали порой высокие должности, но «палат каменных» так и не нажили. Во всяком случае, за отцом Фёдора Ивановича числилось всего 22 крестьянских двора, что вряд ли можно считать серьёзным состоянием.

Глядя с высоты нашего времени, можно сказать, что Соймонову крупно повезло. Его юность и лучшие молодые годы пришлись на энергичную петровскую эпоху, время становления Российской империи. В бурном водовороте людей и событий можно было затеряться, сгинуть бесследно, невзирая на титулы и богатства. Но для обедневшего аристократа это был уникальный шанс подняться наверх, сделать карьеру, имя, а может и состояние. И путь для этого был один – служба.

В 1708 г. 16-летний Фёдор Соймонов поступает в Московскую навигацкую школу. В стенах этого учебного заведения, основанного Петром I, готовили морских судоводителей и кораблестроителей. На деле же многие из выпускников школы становились картографами, архитекторами, артиллеристами, инженерами, одним словом, пополняли ряды технической интеллигенции. Обучение было достаточно серьёзным, к примеру, математическим отделением заведовал сам Леонид Магницкий, автор знаменитого учебника арифметики.

Дисциплина вполне соответствовала духу времени и большим надеждам, возлагавшимся на будущих корабелов. Пропуски («неты») карались штрафом в 5 руб. за каждый пропущенный день. Нередко в ход пускалась и тяжёлая плеть. Однажды в «нетчиках» оказался и юный Соймонов, задержавшийся на рождественских каникулах. В итоге ему пришлось писать объяснительную, оправдываясь неотложными делами в имении и просить не взыскивать с него начисленный штраф.

Курс обучения будущий мореход окончил в три года, после чего в качестве одного из лучших выпускников был причислен к «заморянам», отправлявшимся за границу для продолжения обучения. Задачу, стоявшую перед вчерашними школярами, сформулировал сам император: «учиться навигации зимой, а летом ходить на море на воинских кораблях и обучаться, чтоб возможно потом морскими офицерами быть». Россия становилась морской державой и потому крайне нуждалась в грамотных мореходах.

Всего в Голландию было отправлено 26 человек, получивших на руки «свидетельствованные грамоты» (т.е. загранпаспорта) и по 115 рублей на «прокормление за морем». В этой стране и заграничных плаваниях Фёдор Соймонов проведёт более двух лет. Молодому дворянину приходилось нелегко: нужно было учить языки, осваивать на практике сложную профессию, да и просто выжить на те гроши, что изредка присылались с родины. Надо отдать должное нашему герою – он с честью выдержал это испытание. К концу командировки Соймонов выучил голландский, немецкий и латинский языки, в совершенстве изучил мореходное дело и получил звание гардемарина.

Известно, что юный аристократ не гнушался самой грязной и трудной работы, стремясь на практике освоить все азы своей профессии. Позднее Фёдор Иванович вспоминал, как однажды голландский адмирал-гер, посетив одну из верфей Амстердама, стал свидетелем удивительной картины. В такелажной стояли несколько матросов, одетых в грязную парусиновую одежду и вязали стропы. Сама сцена эта была вполне заурядной и не вызывала удивления. Адмирал-гера поразило другое: из-под парусиновой одежды «матросов» выглядывали рубахи тонкого голландского полотна, а на ногах вместо матросских башмаков виднелись шёлковые чулки.

Лишь после того, как ему объяснили, что перед ним российские дворяне, прибывшие на учёбу, недоумение бывалого морехода сменилось восхищением. Он пригласил гардемаринов к себе на обед, всячески хвалил и вспоминал, как прежде видел на этой верфи Петра Великого, обтёсывавшего лес как простой плотник. Подводя итог этому эпизоду, Фёдор Иванович резонно замечал, что «весьма прилично офицеру, зная всякую работу, приказывать и указывать, нежели, не зная, что делают, одним зрителем быть». Так пролетели годы учёбы.

Мореход

В 1715 г. Фёдор Соймонов возвращается на родину. Вскоре он сдаст экзамен на мичмана и будет отправлен на 64-пушечный корабль «Ингерманланд», бороздивший воды Балтийского моря. Это было серьёзным признанием: строгую «баллотировку», проходившую в присутствии самого Петра I, выдержали только 17 гардемарин из 48. Думается, император не пожалел об этом решении. Отважный и умелый мичман служил ему верой и правдой. А в 1719 г. он получит особое задание.

Несмотря на затянувшуюся Северную войну со Швецией, ряд других крупных проектов, деятельный император не забывал и о восточном направлении русской политики. Взоры его были обращены в сторону Средней Азии – ключа к далёкой богатой Индии, загадочному Востоку. Первые русские экспедиции на Каспий подтолкнули Петра I к мысли о грандиозном проекте. Император задумал, ни много ни мало, повернуть реку Амударью и направить её в сторону Каспия. Это позволило бы установить надёжный торговый путь от Москвы до самого сердца Средней Азии и далее, на восток. Дело стало за малым: нужна была достоверная карта Каспийского моря.

По большому счёту, подобные карты уже имелись, но насколько можно было им доверять? Во всяком случае, Фёдор Иванович высказал большие сомнения в точности карты Кожина (одной из наиболее известных), удивившись тому, как её составитель «на верблюдах ехав, моря описать осмелился». Итак, в 1719 г. на Каспий отправляется экспедиция под руководством голландца Карла Вердена, служившего ранее штурманом на шведском флоте и взятого русскими войсками в плен. С голландцем на восток двинулся и Фёдор Соймонов. На протяжении нескольких месяцев они бороздили воды таинственного моря, изучали его берега, измеряли глубины и описывали острова.

В итоге была создана первая достоверная карта Каспийского моря. О значении этого открытия можно судить по восторгам членов французской Академии наук, получивших карту в подарок от Петра I. «Есть за что благодарить сему победителю-академику! – восклицал академик Фонтенель, имея в виду российского императора. – Мы, наконец, знаем подлинную фигуру сего моря, которая совсем не сходствует с прежнею и обыкновенною».

Пожалуй, один лишь Соймонов не разделял в полной мере этих восторгов. Его влекли иные земли, лежавшие много севернее Индии и Бухары. Однажды во время Персидского похода он прямо изложил свои мысли императору. Он говорил о трудностях, которые преодолевают европейцы, стремящиеся в Восточную Индию (т.е. Америку). О долгом опасном пути вокруг Африки и мыса Доброй Надежды. Между тем российские мореходы могли бы достигнуть той же Калифорнии гораздо быстрее, отправляясь от берегов Камчатки или иных мест в Восточной Сибири. Никто не знал точно, какие богатства ждали их в далёкой Америке, одно было ясно – они сказочно велики. Однако Пётр прервал полёт

мыслей пылкого путешественника: «Слушай, я то всё знаю, да не ныне, да то далёко». Его влекла Индия, а русский император не любил размениваться по мелочам. Впрочем, Соймонов не оставил своей мечты о Сибири. Вот только встретится он с ней при весьма печальных обстоятельствах.

Прокурор

Но об этом позже. Пока же карьера нашего героя складывается как нельзя успешнее. После многолетних морских странствий и воинских баталий он переезжает в Петербург, обзаводится домом и семьёй. На 39-м году жизни Фёдор Иванович получает предписание покинуть морское ведомство и занять должность прокурора Адмиралтейской коллегии. Мореход и картограф он не сразу оценил императорскую милость и даже пытался возражать, ссылаясь на незнание гражданских дел. На это генерал-прокурор Ягужинский иронично заметил, что «адмиралтейские дела, конечно, не столь мудрёны, как навигация», а потому изучение их не займёт слишком много времени. Так Фёдор Иванович стал прокурором.

Признаться, работы у него было немало и даже с избытком. Старый друг вице-адмирал Сенявин быстро ввёл новичка в курс дела, поведав о порядках и нравах Адмиралтейства. Главной отличительной чертой последних было широчайшее и почти открытое казнокрадство – извечная беда российского государства. Так вице-президент Адмиралтейства адмирал Сиверс имел «слабость» к покупке чрезвычайно дорогостоящего и низкокачественного английского угля из Нью-Кастла. Другой адмирал, граф Головин покрывал его, принимая угольную пыль за доброкачественный товар. Сам директор адмиралтейской конторы контр-адмирал Гослер продал с нарушениями 17 тыс. пудов казённого железа... Продолжать можно бесконечно. Соймонов не спускал никому, не взирая на чины, заслуги и звания – досталось всем. Получив особые полномочия, принципиальный прокурор вступил в жестокую битву с высокопоставленными казнокрадами. Многие из них понесли наказание, лишились должностей и состояний.

Вскоре судьба вновь сводит Соймонова с сибирским краем. В 1736 г. он становится членом комиссии, расследовавшей злоупотребления судей Сибирского приказа, а также иркутского вице-губернатора Жолобова и бригадира Сухарева. Особо отличился иркутский правитель, в итоге понесший самое суровое наказание. Жолобов обирал и грабил всех и вся, обокрав казну на 34 800 рублей – огромную по тем временам сумму. На следствии вице-губернатор цинично заявил, что виновным себя не признаёт, поскольку «как прежде бывало, что все брали и ныне все берут и впредь брать станут». Впрочем, с сибирскими чиновниками Соймонов ещё столкнётся не раз, убедившись в правоте казнённого взяточника на собственном опыте.

Арестант

Казнь была назначена на 27 июня 1740 г., в 8 часов пополудни. Эшафот, как водится, соорудили накануне вечером на площади Сытного рынка близ Петропавловской крепости. Близились финал дела А.П. Волынского...

Но прежде сделаем несколько шагов назад и вернёмся к истокам этой трагедии, столь резко прервавшей благополучную жизнь и карьеру нашего героя. Артемий Волынский, будучи протеже влиятельного канцлера Бирона, сделал головокружительную карьеру, став в 1738 г. кабинет-министром. Стремительный взлёт к вершинам государственной пирамиды вскружил ему голову и толкнул на безрассудный шаг: вступить в противоборство со своим недавним покровителем. Все эти интриги разворачивались под знаменем борьбы с «иностранным засильем» при дворе. Хотя, по большому счёту, прибалтийские дворяне вроде Бирона были такими же российскими подданными как и все остальные, да и цифры доказывают, что было их не так уж много. Просто к тому времени многие «птенцы гнезда Петрова» забыли, что первым иностранцев в Россию стал приглашать не кто иной как Пётр I. К тому же искушение использовать зарождающийся русский национализм в политических целях было слишком велико.

Волынский переоценил свои силы – хитроумный Бирон обыграл его, нанеся опережающий удар. В апреле 1740 г. кабинет-министр и люди его окружения были арестованы, началось следствие. 30 апреля пришли за Соймоновым – он был одним из друзей Волынского, часто встречался с ним и обсуждал состояние дел в государстве. Тайная канцелярия, куда поступили арестованные, вела игру по своим правилам – здесь сознавались все. Сохранились собственноручные показания Фёдора Ивановича: сперва написанные его обычным твёрдым почерком, затем – после дыбы – дрожащим и почти неразборчивым. Соймонов признал практически все обвинения, как, впрочем, и остальные – другой исход дела в то время не признавался. К середине июня «розыск» был окончен и специально созданное генеральное собрание вынесло свой приговор.

Он был довольно жесток, даже для того сурового времени. Наименее причастным должны были «всего лишь» отсечь голову. Волынского, как «главного злодея», осудили к вырезанию языка и посадению на кол. Соймонова приговорили к четвертованию. Это означало, что палач должен был последовательно отрубить ему обе руки, затем обе ноги и только после этого голову. Именно так в своё время был казнён Степан Разин. Можно себе представить ужас учёного вельможи, осуждённого к этой страшной казни. Однако императрица Анна Иоанновна решила «проявить милосердие» и своим указом смягчила судьбу осуждённых.

В итоге четвертование досталось Волынскому. Соймонова же обрели на битьё кнутом и вечные каторжные работы в Охотском остроге. 27 июня 1740 г. кнут палача, сделанный из заострённых кожаных ремней, предварительно вымоченных в молоке и высушенных на солнце, оставил свой неизгладимый след на спине бывшего прокурора. В документах сказано, что он был бит «нешадно», т.е. получил не менее 30 ударов. Навеки сгинул дворянин Фёдор Иванович Соймонов, его место занял Федька-варнак.

Варнак

Три дня спустя новоиспечённый колодник тронулся в путь под конвоем из трёх солдат и капрала-гвардейца. В отличие от уголовников он не шёл в Сибирь пешком, а ехал по тракту на подводе, хотя, скорее всего, и в кандалах. Кстати, весили они в то время немало: в среднем около 30 фунтов, т.е. 10 кг. Приказано было ехать без остановок, поэтому в Охотск наш герой прибыл на удивление скоро – месяца два спустя. Здесь, в тяжкой работе на солеварочном заводе ему предстояло провести всю оставшуюся жизнь. Впрочем, по тем временам он уже считался стариком – ведь Федьке-каторжнику шёл 49-й год...

Но фортуна переменчива и никто не знает, что уготовано ему судьбой. В августе 1740 г. после тяжёлых родов умирает императрица Анна Иоанновна, а три месяца спустя происходит очередной дворцовый переворот. Бирон низвержен и отправляется в ссылку в сибирский городок Пелым. К тому же супруга Соймонова не прекращала писать слёзные прошения с просьбой облегчить участь её мужа. В итоге 13 апреля 1741 г. капрал Тимофей Васильев получает приказ немедленно отправиться в Охотский острог, дабы забрать оттуда Соймонова и доставить в одну из принадлежавших ему деревень.

Дальнейший ход событий известен нам в самых общих чертах и овеян легендами. Согласно одной из них, записанной полтора века назад в Тобольске историком Н.А. Абрамовым, дело было так. Добравшись до сибирской столицы, капрал обнаружил, что никто не может ему указать, где именно находится искомый колодник. День за днём, месяц за месяцем ездил он по бескрайней сибирской каторге: просматривал списки, вглядывался в лица, расспрашивал кого только мог – всё было бесполезно. Такая же неудача постигла его и в Охотске – Соймонова не было нигде. Капралу оставалось лишь возвратиться с повинной головой в Петербург и признать, что он не смог исполнить приказ государыни.

Всё решил случай. Как-то утром, заглянув на кухню каторжников, он на всякий случай спросил хозяйку: «Не знаешь ли ты здесь, в числе каторжных Фёдора Соймонова?». «Нет, такого у нас нет», - ответила женщина. Потом подумала, повторила пару раз про себя «Фёдора, Фёдора...» и вдруг сказала: «Вон, там в углу спит Федька-варнак, спроси, не он

ли?». Повернувшись, капрал увидел спящего на голом полу старика, седого, обросшего, в суконном зипуне. Лишь после долгих расспросов тот решился ответить: «Да, я некогда был Фёдор Соймонов, но теперь несчастный Фёдор Иванов» и заплакал. Можно представить себе потрясение хозяйки, увидевшей как капрал вдруг обнял седого варнака, заплакал и молвил: «Государыня Елизавета Петровна вас прощает».

Историки не слишком склонны доверять этой легенде, обращая внимание на ряд её неточностей и несоответствий. Там же, к примеру, описывается, как после освобождения Соймонов заживлял свои вырванные ноздри, прикладывая к ним кусок мяса, вырезанного из правой руки пониже плеча. Сибирские колодники действительно славились умением заживлять рваные ноздри и клейма на лице. С помощью специальных растворов и порошков они растревали раны, не давая им нормально заживать. В итоге клейма становились настолько расплывчатыми и неясными, что властям не раз приходилось издавать указы о повторном клеймении. Однако здесь всё было иначе, поскольку достоверно известно: Соймонову ноздри не вырывали.

Впрочем, в целом рассказ о долгих поисках затерявшегося в Сибири каторжника вполне достоверен. Жертвы Тайной канцелярии утрачивали не только свободу, но и собственное имя, прибывая на каторгу без обозначения фамилий. Известно немало случаев, когда поиски подобного Фёдки-варнаки длились годами, а в итоге заканчивались ничем. Недаром на выполнение приказа капралу потребовалось 10 месяцев! Попадая на каторгу, люди словно проваливались в преисподнюю, откуда уже не было пути назад. Но Соймонову повезло - он вернулся.

Возвращение

Одно надо понимать чётко: помилование того времени вовсе не соответствует современной реабилитации. Да, Соймонову «отпустили оную вину». 17 марта 1742 г. соответствующий указ был зачитан на площади перед Успенским собором в Кремле, князя накрыли знаменем и вернули ему шпагу, отобранную при аресте. Но это означало одно: государыня помиловала его, т.е. простила из милости, а вовсе не восстановила нарушенную справедливость. Раз сослали, значит за дело, государь ошибаться не может – таковы были традиции российского государства. Фёдору Ивановичу было приказано покинуть всякую службу и удалиться в свою деревню.

И потянулись долгие годы бездействия. Жизнь прошла. Казалось, будущее совершенно определено, всё что могло, уже случилось и остаётся лишь смиренно ждать конца дней своих. Так было практически со всеми, вернувшимися из ссылки и опалы. Но Соймонов вновь нарушил все правила и устои.

После 11 «скучных» лет он получил предложение сколь неожиданное, столь и заманчивое: принять участие во Второй Камчатской экспедиции. Сделал его В.А. Мятлев, старый флотский товарищ Фёдора Ивановича, назначенный в то время сибирским губернатором. Экспедиция прошла успешно: опытный картограф составил многочисленные атласы, карты и описания, разведал новые пути и места для поселений. И вот новый подарок судьбы: в связи с началом Семилетней войны Мятлева отзывают во флот, а на его место назначают... Соймонова! 14 марта 1757 г., ровно через 15 лет после издания указа об отпущении ему вины бывший каторжник становится губернатором Сибири. Свершилось!

Губернатор

Вступив в должность, 65-летний губернатор занялся ревизией доставшегося ему наследство. И хотя за плечами была целая жизнь (и какая!), удивлению его не было предела. Больше всего поражало Фёдора Ивановича искусство «секретарской прибыли». У иного секретаря, писал он, дед имел капиталу серый кафтан, бобровую шубу, да корову с парой свиней и пятком куриц. Отец имел малую деревеньку. А у внука-секретаря, откуда не возьмись, 2000 душ крестьян. Спроси его: «Где взял?», скажет: «Купил». «Где деньги взял?» – «Трудами нажил». А труд этот, замечал Соймонов, состоял «единственно в том, что он

деньги считал», взятые с несчастных, стремившихся откупиться от чиновника-грабителя любой ценой. Такому он попустить не мог.

Начинается масштабная и планомерная работа по наведению порядка в губернии. Бывший прокурор действовал жёстко, но справедливо. Тарского воеводу Кульнева, уличённого во взятках, он отстраняет от должности и отдаёт под суд. Другого взяточника, поручика Пьяного отправляет в солдаты. Кузнецкого же дворянина Мельникова, не заплатившего ямщикам положенных денег, он и вовсе посадил на цепь. Кстати, деньги для уплаты с лихвой нашлись уже на следующий день.

В Тобольске Соймонова поразил гостинный двор, запущенный до предела. Вместо купцов его населял десяток самых разных учреждений, а подвалы вместо тюков с товарами заполнила вода. Дело в том, что при губернаторе Сухареве неподалёку был вырыт бассейн для трёх пар губернаторских лебедей и вода от него залила все окрестности. Вскоре гостинный двор был отремонтирован, а средства от аренды лавок изрядно пополнили местный бюджет.

Немало пришлось повоевать правителю Сибири и с тобольским митрополитом Павлом Конюскевичем, державшимся слишком дерзко и независимо. Фёдор Иванович строго запретил силой обращать в христианство местных татар, а однажды и вовсе вспылал. Это случилось в день приведения к присяге императору Петру III. Митрополит заявил, что нужно отложить церемонию на день, пока ему не доставят из ризницы «надлежащих архиерейских одежд» и категорически отвергал все аргументы противников такого решения. Не стерпев подобного формализма, Соймонов вспылал и сказал архиерею, что присяга состоится в любом случае – с ним или без него. Оробевший священнослужитель уступил и, надев мантию, побрёл в собор.

На счету Соймонова-губернатора немало дел, больших и малых: открытие геодезической школы в Томске, сооружение маяка на Байкале, перепись ясачных инородцев, заселение берегов Амура – список этот очень велик. И только одно из них, пожалуй, стоит несколько особняком, выделяясь среди прочих. Фёдор Иванович коренным образом изменил рассмотрение доносов, которые во множестве поступали в губернскую канцелярию и стали настоящим бедствием сибирского края. Сотни несчастных томились в тюрьмах, ожидая пока «изветы» на них будут рассмотрены в Петербурге. Только на доставку в Тайную канцелярию «изветчиков» (т.е. доносчиков) за 10 лет было израсходовано 14 000 рублей! Отныне же дела, не связанные с оскорблением государя, рассматривались на месте и редко заканчивались отправкой арестованных в столицу. Губернатор Соймонов слишком хорошо понимал, что это такое – настоящее правосудие.

Сенатор

Всё, казалось бы, шло отлично. Сибиряки любили и уважали своего губернатора, у императрицы Екатерины II он также был на хорошем счету и даже получил за заслуги орден Александра Невского. Но исподволь, незаметно к Соймонову подкрался иной супостат, против которого был бессилён и губернатор – старость. Фёдору Ивановичу шёл восьмой десяток. Таяли с каждым днём силы, всё чаще давали о себе знать хвори, полученные в дальних странствиях по степям Каспия и холодным водам Балтики. Не прошли мимо и два года варнацкой жизни, оставили свой след. Соймонов устал.

В 1763 г. императрица уважила вторичную просьбу 70-летнего вельможи и приказала уволить его от губернаторской службы. 14 марта (поистине роковая дата!) Фёдор Иванович приехал в Москву, чтобы больше не покидать её. Впервые за много лет он вновь может с головой погрузиться в дорогую его сердцу науку: беседовать с историком Миллером, переписываться с Ломоносовым, составлять собственные сочинения по истории и географии России. Екатерина II знакомит его с новым сибирским губернатором Денисом Чичериным и просит научить всему, что знает сам, поскольку тот «человек добрый, честной, только он губернских дел не знает, потому в гвардии служил». Вскоре к 43-летнему Денису Ивановичу

прикрепляется прозвище «сыннок Соймонова», скорее шутовское, чем обидное – столь неразлучны они стали.

Дом Соймонова становится настоящим сибирским центром, где собираются не только сибиряки, но и все те, кому дорог этот край. Здесь обсуждаются проекты законов и уложений, составляются планы, заключаются соглашения. По настоянию императрицы, Фёдор Иванович становится сенатором, правда, с дозволением не посещать заседания, не относящиеся к Сибири. В отличие от многих своих ровесников, он не стал очередной формально-ритуальной фигурой. Выступления Соймонова были по-прежнему основательны, деловиты и попортили немало крови казнокрадам всех мастей.

Достаточно отметить, что доклад сенатора стал одной из причин ликвидации некогда могущественного Сибирского приказа, превратившегося со временем в дорогостоящую чиновничью кормушку. Тогда же по его настоянию была прекращена многолетняя военная операция по покорению Чукотки – кровопролитная и безрезультатная. Прозорливый Соймонов отмечал, что «надлежит с теми чукоцкими и протчих родов бунтовщиками не столько военною рукою поступать, сколько ласкою, благодеянием и добрым с ними обхождением».

Только в 1766 г. Фёдор Иванович окончательно выходит в отставку. Завершающим делом его многотрудной жизни становится «История Петра Великого» – сочинение, над которым он работал все последние годы. Перо скользило по бумаге, а перед глазами проходили дела минувших дней – Соймонову было что вспомнить. Нить воспоминаний оборвалась 11 июля 1780 г., когда прошлое и настоящее перестали для него существовать и наступила вечность.

Фёдор Иванович Соймонов умер в возрасте 88 лет и был похоронен в Высоцком монастыре близ Серпухова.